

Евгений
Митаев

ГАРМОНИЯ ПОЭЗИИ

Со стороны этот заголовок кому-то может показаться излишне выпендренным и казённым. Но и ещё раз но! Другой к нашей теме о поэтическом творчестве никак не подходит.

Мне самому это стало ясно через много лет после того, как я ещё в детстве однажды неумело срифмовал свою первую строфу. Корявую, конечно. Но она стала моей личной точкой отсчёта. Строфа ушла в небытие, а необычное ощущение некой внутренней мелодии, исходящей от сочинённой вещицы, осталось. И оно только нарастало с каждым новым написанным стихотворением.

Это ощущение знакомо каждому пишущему – и поэту, и даже графоману. Но поэт воспаряет, а графоман лишь имитирует. Иногда последнему удаётся даже подпрыгнуть сантиметров на десять. Этот короткий миг отрыва от земли и есть его высшее достижение. Если графоман амбициозен, то он обставляет его золочёными декорациями и пребывает там всю жизнь, ловя кайф от того, что дважды два всегда четыре. Он попытался поверить гармонию даже не алгеброй, а самой начальной арифметикой, считая, что уже всё познал. Небо его более не манит. Вот и поучает молодых, выдавая отштампованные из мокрого песка куличики за шедевры духовного хлебопечения. В этом его графоманское счастье. Он даже может вполне себе неплохо устроиться, ведь мы живём в эпоху симулякров и подмен.

С поэзией всё происходит иначе. Как? Вот о том и хочется порассуждать.

В Интернете полно всяческих советов по так называемому креативному письму – семинары, вебинары, видеоуроки, статьи, книги... В каких-то формальных, технических частностях они вполне могут быть полезны – в искусстве элемент ремесленничества всегда имеет место быть. Но творчеству они не научат, ибо снимают с языка только его самый верхний, зримый слой информации, игнорируя многозначность и сакральность. Нельзя стать писателем или поэтом, ограничившись только изучением подобных инструкций. Однако вполне можно поднатореть в массовом прессовании весьма замысловатых фигур. Но по сути своей – это те же куличики из мокрого песка.

У поэта и православного священника иеромонаха Романа (Матюшина) есть примечательная строка: «Обратитесь в детей и услышите голос Отца». Она ведь не только о религиозном чувстве, но и о том, что в детстве мы иначе относимся к мирозданию, познавая его чистейшим незашоренным взглядом. И мироздание в лице Бога (для убеждённых материалистов это природа) отвечает нам тем же.

Безо всяких инструкций мы понимаем, что этот пейзаж прекрасен, а та свалка безобразна по своей сути. Безобразна – значит, без образа. А мы с раннего возраста умеем мыслить образами. И развиваем в себе это умение.

Поэзия начинается в детстве. И потому так тяжело с ним расставаться. И верующим, и атеистам, ибо все мы – люди-человеки. Как-то незаметно где-то в судьбе переключается тумблер, и свежий взгляд перестаёт быть свежим, и душа грубеет. Но не всё ещё потеряно, если внутри нас живёт маленькая девочка или мальчик. Берегите их, без них нормальная литература невозможна в принципе. Дети тоже делают в песочнице куличики и строят замки на пляжах. Но их маленькие шедевры прекрасны, ибо наполнены игрой, что сродни созиданию. Из всего этого много позже могут родиться стихи. А могут и не родиться. Завидуйте своему детству, графоманы!

Моё детство прошло на семипалатинской окраине, больше похожей на село. Утро я встречал под петушиное пение. Улица моя сначала называлась Предельной и вполне отвечала своему названию: дальше, в конце следующего квартала, был предел – железнодорожная ветка на Бабкарьер. А пересекала нашу улицу Пригородная. Её название тоже говорит само за себя. По родной Предельной пастухи прогоняли скотину – коров, тёлоч, баранов. Я даже помню последнего семипалатинского верблюда. Он впоследствии снялся в документальном фильме, посвящённом 250-летию города. Именно этот важный персонаж фигурировал на старинном гербе Семипалатинска. Мимо наших окон иногда проходил какой-нибудь охотник с ружьём – непременно серьёзный и немного таинственный. Рядом бежала собака – чаще всего это был рыжий ирландский сеттер, иногда – серый спаниель с длинными ушами. Каждый охотник мне казался спасительным персонажем из сказки «Красная Шапочка». Я придумывал про них разные истории. Они, охотники, были этого достойны, потому что выглядели сильными и благородными. А ещё по Предельной частенько проезжал на скрипучей телеге пожилой казах в настоящей тюбетейке или лисьем малахае и громко кричал: «Кости-и, тряпка-а-а-а!» Как же мы ждали его! Хватали всякое старьё-тряпье и тащили кудеснику из «Вторсырья». Тот многозначительно взвешивал хлам и выдавал юному счастливцу или счастливце какое-нибудь сокровище – свистульку, дудочку, пистолет или же куклёнка.

Как-то раз, принеся на аттракцион неслыханной щедрости отцовскую рваную майку, я был несказанно удивлён, когда повелитель ребячьих мечтаний развёл руками – дескать, не тянет твоё приношение ни на что стоящее. Видимо, у меня был такой несчастный видок, что волшебник вынул из коробочки с пистонами один маленький рулончик и с улыбкой подал мне. Я принял свою частичку счастья, как живого птенчика. И не было сиюминутным это моё счастье – ведь оно помнится до сих пор. Не далее как через минуту я расколотил все пистоны камнями и был этим вполне доволен.

Владельцы сегодняшних смартфонов и планшетников, ваша радость обладания похожа на электронный гаджет, а потому никогда вам не понять гордо сжатых губ пацана, утачившего из сенец новый домотканый половик, чтобы заполучить непотопляемый катерок с моторчиком на батарееках. Да, его ждёт не один подзатыльник с хворостинкой от мамани или даже батин ремешок. Но плюсов значительно больше. Разве не так? Разве это не поэзия – катер на иртышской волне с малюсенькой, но вполне настоящей кильватерной струёй?

Богатым было наше детство на подлинное, истинное. На футбол и хоккей, катание с горки на санках, прятки, летние вечерние посиделки на лавочках, купание

в Семипалатинке, Иртыше и озере за старой водокачкой, где жили ондатры, цвели кувшинки и качались камыши. На поездки на природу, на рыбалку и непоказные рассказы фронтовиков. А ещё на школьную дружбу, на цирковые представления в передвижных шапито. На отчаянные драки и прямодушные замирения. На мороженое из натуральных продуктов! И на добротные фильмы, которым верили не меньше, чем самой жизни! Меньше всего хочу идеализировать детство. У каждого оно своё, и у каждого – особенное, романтическое, поэтичное. Из него можно черпать очень долго. Иногда – всю жизнь.

Я рано познал правду пословиц: «Не было бы счастья, да несчастье помогло» и «Нет худа без добра». Родившись с патологией обеих ног, ещё до школы перенёс несколько операций, подолгу лежал в больнице, прежде чем смог ходить и бегать. Мой внешний мир сузился до размеров окна. Мама читала мне сказки, показывала буквы. В три года я уже знал их. А в четыре и сам начал читать. Моими первыми книжками были русские и казахские сказки. Они, кстати, у меня до сих пор сохранились с рисунками на полях. Что изображено на тех рисунках? Ракеты, летящие в космос, и танки со звёздами, побеждающие танки со свастикой. Нормальная тематика для мальчишки начала шестидесятых годов прошлого века.

Книги, журнал «Костёр», фильмоскопчик и радиола «ВЭФ-Аккорд» были моими друзьями помимо игрушек. Народные сказки и диафильмы вкупе с радиоспектаклями и познавательными передачами настолько развили моё воображение, что мне стали сниться фантастические сны. Впрочем, всякие там кощеи и бабки-ёжки недолго пугали меня. В свои сновидения я без труда въезжал на богатырском коне, в доспехах и с мечом. Эзотерики и психологи утверждают, что это – управляемые сны. А для меня это было увлекательным продолжением сказок. Поэзия уже тогда пробуждалась во мне.

У нас дома всегда было небольшое, но качественное собрание книг. А потом отец записал меня в городскую библиотеку. Мы с сестрой прочли в нужное время нужные книги. Тогда читали все, даже «нехорошие мальчишки-хулиганчики».

Первыми моими стихами были сказки Пушкина. Я читал их тихо вслух. Не умел ещё читать молча – «про себя». И это хорошо. Магия поэзии проявляется сильнее, когда слова проговариваются. Пушкин – замечательный учитель. Я чувствовал его стихи объёмно – в красках, звуках, запахах, осязаемо, в движении. Этому обучить невозможно. Это либо есть, либо нет. Но если есть и вовремя не развилось, что бывает особенно часто, – тоже неплохо. Из таких людей получаются талантливые читатели, сотворцы поэтов. Они умеют ценить стихи, как никто другой, помогая всем остальным лучше понимать чужую лиру, делая её в действительности своей.

Моё первое стихотворение было опубликовано в павлодарской областной газете «Звезда Прииртышья» примерно в 1976 году. Я тогда учился в медицинском училище. Сказать, что было радостно, – маловато. Но реанимировать свои юношеские эмоции считаю излишним. Просто именно тогда я почувствовал, что чего-то стою как стихотворец. Немногого, конечно, но стою.

В те годы я посещал литературное объединение «Иртышские огоньки» при межобластном отделении Союза писателей Казахстана. Его вела известный в будущем литератор Надежда Чернова. Ещё был жив поэт Семён Анисимов. На заседания приходили Мурат Султанбеков, Вячеслав Кобрин и Николай Алексеев, уже зарекомендовавшие себя как сложившиеся поэты. Молодую поросль представляли Александр Кузнецов, Константин Рублёв, Владимир Сулыгин, Любовь Барохов-

ская, Тауфик Халиков. Порой появлялся не чуждый поэзии прозаик и журналист Владимир Базанов. Геолог Ильяс Исакаев, исходивший весь Союз, радовал нас удивительно лиричными миниатюрами. Приходили ещё Ольга Ротару, Григорий Афонин, фронтовик Павел Сапрыкин. А я был самым младшим в нашей честной компании. Спорили мы крепко, но без обид. В этих спорах оттачивалось литературное мастерство. Общение творческой личности просто необходимо.

Шло время, печатались книжки, появлялись публикации в журналах и коллективных сборниках. Одна эпоха сменила другую. Пришлось поработать медиком на ядерном полигоне, журналистом областной газеты «Иртыш», научным сотрудником в музее Достоевского, преподавателем поэтики в татарской школе искусств. Много пришлось повидать. Но я неоднократно ловил себя на мысли, что в душе остался всё тем же мальчуганом с окраины, и весь мой литературный и жизненный опыт зиждется на принципах, заложенных в детстве и ранней юности. Моя точка роста осталась там и вполне ещё способна меня порадовать.

Есть много определений поэзии и поэтов, данных величайшими умами человечества. Чтобы поддержать свой заголовок, приведу здесь высказывание Платона. Косвенно оно проводит водораздел между собственно поэзией и графоманией. Уже тогда эрзац и его певцы графоманы существовали. Но поэты и философы ставили их на место. Вот эта цитата: «Кто идёт к воротам поэзии, не вдохновлённый музами, воображая, что одно искусство делает его поэтом, тот и сам несовершенен, и поэзия его – ничто в сравнении с поэзией вдохновлённого».

Изложено высоким стилем, но точно. Вдохновлённость невозможно измерить никакой математикой, даже высшей. Это – заряд для попадания в пространство поэзии, уловление той единственной интонации, без которой невозможно даже самое простенькое стихотворение. Хватило бы только пороха. Почётный академик Императорской Академии наук по разряду изящной словесности Владимир Галактионович Короленко написал: «Стих – это гармония». Очень и очень верно.

Алмаз шлифуется только алмазом. Гармония поверяется лишь гармонией. Всё зависит от состояния космоса поэта. Есть внешне незатейливые, но обаятельные стиховые пространства, есть сложные и полифоничные. Свой космос знаю и я. Знаю также и то, что людям нужны они все.

Объединяет же их именно гармония и только она. Без неё невозможно выявить в слове его былую первоначальность и скрытые в шелухе обыденности смыслы.

Пишите, поэты. Ваши космосы скупают без новых планет и звёзд.

СОНЕТ О МЛАДЕНЧЕСТВЕ

Поэт ещё не знал, что он поэт.
Сердечко было щедрым на удары.
Но в Книге Судеб Тот, кто создал свет,
Его уже пометил искрой дара,

Который через много-много лет
Вдруг разгорится пламенно и ярко.
Поэт ещё не знал, что он поэт,
Но счастлив был и познавал недаром

Тепло и смысл родительской любви.
Ещё вдыхал степной здоровый воздух.
В младенце жизнь бурлила через край.

«Богатым стань, удачу улови», –
Ему желали родичи. Так просто.
Он уловил века. Он был Абай.

* * *

Открытый космос – тоже небо, вот только без голубизны,
Он бездыханен и безмолвен – величье ночи вне прикрас.
Его законы безусловны, его галактики ясны,
В наплывах жгучей филиграни, непостижимейшей для глаз.
И пусть она неодолима, но, соблюдая пиетет,
Забыв про сон, так вдохновенно, у растворённого окна
Мы ходим взглядом не по мраку, а ловим тот далёкий свет,
Иными солнцами питаю всё, чем душа одарена.

УПОВАНИЕ. ДОСТОЕВСКИЙ В СЕМИПАЛАТИНСКЕ

Что страшней – чернота или серость?
Гниль острога? Муштра строевая?
А страшнее всего – онемелость,
Словно в горло забитая свая.
Блёклый город в плену ледостава,
С одинаковой скукой на лицах.
Расстарайся, солдат, по уставу,
И воздастся тебе, и простится.
Там, в уставах, всё чётко и ровно.
Каждый пунктик – роман или очерк.
Остальное склевали вороны –
То, что не было порвано в клочья.
Ну а тех, кто на чуждое жадный,
Охладят от столицы далече.
Пощадили тебя, ну и ладно.
Вот и радуйся, сын человеческий.
Только так, чтобы не было слышно.
Будь потише капели и ветра.
И не бойся ни сплетен облыжных,
Ни бесстыдного злого навета.
И стоять тебе здесь в карауле,
Подавать офицерам шинели.
Петербурга неистовый улей
Будет сниться уже еле-еле.

Переможет распутицу холод
 Ненадолго. Тепло возвратится.
 Не такой уж и блёклый сей город.
 Прочитай его тихие лица.
 Прогуляйся по улочкам узким.
 Стань своим и, унылость обруша,
 Помолись пред иконой по-русски,
 Напитай упованием душу.
 А душа-то твоя, как бумага,
 Стерпит всё, хоть и кажется тонкой.
 Видно, к ней примешалась отвага,
 На слезе настоявшись ребёнка.

ИСКУССТВО

А карандашной братии в коробке
 Надолго задержаться не дано.
 Их линии – затейливые тропки,
 Из белизны явившие панно,
 Простую и бесхитростную тайность.
 Мы все её когда-то познаём –
 По небу неоглядному катаясь,
 Хохочет солнце с облачком вдвоём.
 А ниже – птица чайка, волны, остров,
 Где домик и, конечно же, цветы.
 Там нет заборов, хмари и коросты
 Пропащих дней, мертвящей пустоты.
 Рисунок детской смелостью обласкан.
 Пусть грифелей тупеют острия,
 На лист бумаги, как на фрески Наска,
 Мы сверху смотрим в жажде бытия.
 Карандаши мельчают обречённо,
 Искусство – слово, дикое слегка,
 Навечно позументом золочёным
 Впечатано в кедровые бока.

МЕРА

– Скажите, а чем измеряется детство? Годами?
 – Наверяд ли. Скорее всего, осязаннями радуг,
 То радуги неба встают над садами и снами,
 Чтоб в радугах душ воплотился небесный порядок.
 – А чем вы измерите юность? Страстями? Задором?
 – Да что вы! Летящим по свету распевным курсивом,
 Где в росчерках смелых, играя счастливым напором,
 Растратится что-то впервые – пытливо, нельстиво.

– Но что же растрагится? – Позже узнаете, позже.
– В чём зрелости мера? Конечно, в трудах и заботах?
– Почти угадали, но только, декады итога,
Сказать не забудьте о щедрости ради кого-то.
– Что дальше – я знаю. Мерило у старости – опыт.
– Ах, если бы так... Всё гораздо сложнее и проще.
Остаточек радуги – мягкий и нежный, как шёпот,
В ладонях работных несём и нисколько не ропщем.

ПУЛЯ

Эта пуля чужая летела в солдатскую грудь.
Ворог был ещё тот, да и целился слишком умело.
Промахнутья нельзя, но она отклонилась чуть-чуть,
Непутёвая пуля в атаке бойца пожалела.

Процарапав погон, упорхнула она в облака.
За своё милосердие ласточкой стала касаткой.
И была её жизнь нестерпимо быстра и крепка,
Словно ветер весенний – пронзительный, чистый и сладкий.

Получили своё храбрецы, подлецы, мудрецы.
Уцелевший солдатик в саду обнимает невесту.
А потом под застрехой в гнезде запищали птенцы,
И на свадьбе нашлось гостю каждому славное место.

Вот и прожитый день, словно ласточка, чиркнул вдали
И пропал ввечеру, мы о нём сожалеем едва ли.
...Где-то в толще земли, удивительной нашей земли
Полусгнившие гильзы по пулям своим тосковали.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ В КЕМЕРОВО

Бегущая жизнь и бегущий огонь,
Который не греет – сжигает, зверея.
Погоня! Страшней не бывает погоня.
Но дым расторопней, и пламя быстрее.
И детские ножки уже не летят,
И мамины руки уже не спасают.
Лишь только последний отчаянный взгляд
Навечно застынет, живых потрясая.
Кому-то помогут – надежда смела!
Начнутся разборы – отрадная новость.
Шипит потерявшая силу зола.
Молчит от бабла прогоревшая совесть.

НЕЛЕТНЕЕ

Мурату Султанбекову

Вот и выпал первый дождик сентября.
 Вот и выдалась нелетняя заря.
 Всё нелетним, непонятым стало вдруг –
 Враг прощён, но во враги уходит друг.
 И влюблённые на долгие года
 Вдруг разлюбленными стали навсегда.
 Что же делать? Надо глазом не моргнуть,
 Чтобы август успокоился чуть-чуть.
 Он ведь всё ещё бодрится во вчера,
 А ему давным-давно уйти пора.
 Ведь нелетние заботы начались,
 Ведь мелькнул уже лучистый жёлтый лист,
 А за ним – другой... И с неба снизошло
 Осторожное негромкое тепло.
 На лучистых листьях – жилочек печать.
 На лучистых листьях можетя писать.
 А о чём? О том, что было, да прошло.
 Но рука выводит: «Осень, осень, о...»

* * *

Над Иртыш-рекой кричали гуси,
 Задевая крыльями восход.
 Каждый крик живуч и безыскусен,
 Суетности жалкой укорот.
 И когда совсем уж откричали,
 Потерялись, скрылись без следа,
 Понял я – тот клик не для печали,
 Для подмоги в злые холода.
 Он во мне останется надолго,
 Он не пустит выморозь и гнусь.
 А весной – решительной и волглой –
 Новым кликом кротко обновлюсь.

ТАЙНА ДЕДУШКИ МОРОЗА

У Дедушки Мороза – родного, дорогого –
 В длиннющей толстой шубе есть потайной карман.
 Лежит там не конфета и вовсе не подкова,
 Не новенький смартфончик и даже не наган.
 Конфеты Дед не любит, все дарит ребятишкам.
 В приметы Дед не верит – подкова ни к чему.

Смартфончик – безделушка, раскрученная слишком,
С оружием – проблемы. Чуть что – пойдёшь в тюрьму.
Нет, в том кармане «хитром» есть кое-что получше,
Есть кое-что ценнее алмазов и купюр.
Раскрыть ты хочешь тайну, дотошнейший голубчик?
Но тайна ведь не ларчик, который от кутюр.
Она жива терпением, смиренно ожидая,
Когда зажгут в светёлке вечернюю свечу.
Так что же в том кармане? Да я и сам не знаю.
А если очень честно, и знать не захочу.
Но в сумерках январских, устав от хороводов
И обалдев немножко от смеха детворы,
Забудется Снегурка до самого восхода,
До утренней, студёной, малиновой поры.
А Дед Мороз поправит Снегурке одеяло,
Задёрнет занавеску и – к шубе напрямиком.
«Ну, здравствуй, – тихо скажет. – Нас время разлучало.
Но время – это мелочь, коль с вечностью знаком».
И долго-долго будет смотреть на ту вещицу,
На маленькое счастье. Во взгляде – озорство.
И станет ночь, как вечность, и сказкою продлится
Для Дедушки Мороза. И только для него.

АНТОШКА

Антошка не хотел сажать картошку,
И не копал её хитрец Антошка.
Словечки «дили-дили, трали-вали...»
Его всегда и всюду прикрывали.
Он вырос, стал солидным и богатым,
А те трудолюбивые ребята,
Что звали познакомиться с лопатой,
Давно уж поседели, ёлки-палки!
Антошке их нисколечко не жалко.
Он девочек меняет и машины,
Мир попирая взглядом петушиным.
А мир – весёлый, громкий, круглолицый –
Его не замечает и не злится.
Тогда в большом подпитии Антошка
Печёт в камине финскую картошку.
Но всё не то – и вкус, и настроенье.
И вместо благодати – отупенье.
Цепочка с треском рвётся золотая,
И кулачки холёные взлетают.
И рот кривится в гаденьком оскале:
«Завидуйте, я счастлив! Трали-вали!»

* * *

А до конца зимы ещё нескоро.
Морозы, снегопады и пурга
Не раз омолодят мой добрый город.
И вся, как говорится, недолга.
И степь моя в буранах укрепитя,
Во сне нальётся силой до весны,
Чтоб возродиться с первой звонкой птицей,
В которую мы будем влюблены.
Давай, зима, твори, буянь, старайся,
Студи мой бор восторженной зарёй.
Как жалки наши гаджеты, девайсы
В сравнении с твоей большой игрой,
В которой ты – завзятый победитель,
И сердцу тесно в мареве седом.
Лишь мой Иртыш, трудяга и воитель,
Теченья не сбавляет подо льдом.

ВЕТРИЩЕ

Я свидетельствую вам как на духу –
Что-то странное творилось наверху.
По-над крышами, стена и моля,
Ветер буйствовал, давая кругалья.
Чернотой лужа свежая полна.
Только отблеск от ближайшего окна
Растрепался долгой рябью по воде,
По сосульковой растёкся бороде,
Вспыхнул бедный, замерцал да и погас,
И окошко потемнело сей же час.
Ах, ветрище, дурачище буревой,
Ты на улицах единственный живой.
Не выносишь торжествующую тишь,
Всё-то рыщешь, громыхаешь и свистишь.
Всё-то ломишься куда-то наугад.
И никто тебе, бедовому, не рад,
И никто тебя не пустит на порог.
Потому ты беспощадно одинок.

* * *

Когда поэт перестаёт писать,
В нём дотлевают малое светило.
И, словно потерявший хватку тать,
Он ёжится, проникшись словом «было».
Он иногда берётся за стило,
Отставив томик классики любимый.

Но то, что нестерпимо прежде жгло,
Как ни крути – вполне себе терпимо.
И опыт, и умение – всё при нём.
Вот только удивлять и удивляться
Он разучился, онемевшим ртом
Вдыхая пыль банальных компиляций.
Но не привык сдаваться просто так,
Хоть вниз орлом все падают монеты.
Зачем ломиться в молодость, чужак?
Куда верней юнцам давать советы.

НОЧНОЙ СОНЕТ

Ты спишь, родная, безмятежно спишь,
Твоя мятежность стала летним бризом.
В барашках волн нечаянным сюрпризом
Шалит дельфин, отчаянный крепыш.

Ты спишь, родная. Сон и свеж, и рыж.
В отливах солнца – гимны парадиза.
Здесь всё твоё – от грёзы до каприза.
Царишь? Немножко, нежно... Но царишь.

И в царствованье том не знаешь пауз,
На горизонте сотворяя парус –
Нет-нет, не алый, розовый вполне.

Стоп! Это лишне. Вспомни непременно
Дельфина из начального катрена.
Ведь это я резвился на волне.

* * *

Пока ещё надёжна жизни нить,
Понять пора в своём воображении,
Что есть одно желание – любить.
Все остальные – только отражения.
Как много их на радость или страх
В полубесстрастных зреет зеркалах!

Семей

